

ПРОБЛЕМА ИНТЕРАКЦИИ ДЕКАБРИСТСКИХ И МАСОНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.И. СЕМЕВСКОГО

С.В. Гаврилов

*Уральский филиал Российского государственного университета правосудия,
Челябинск,
angoshga@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимодействия декабристских организаций и масонских лож в начале 1820-х гг. в работах В.И. Семевского. Исследуется обширная источниковая база, использованная ученым при разработке проблемы. Анализируется развитие общественно-политических идей декабристов. Рассматриваются масонские ложи в качестве инструмента рекрутирования новых членов и пропаганды либеральных идей, а также вопросы общей численности декабристов – участников масонских лож. Отмечается, что В.И. Семевский считал взаимоотношения масонов и членов декабристских организаций продуктивными только на ранней стадии их существования. Подчеркивается тесная взаимосвязь масонов и декабристов в контексте влияния западноевропейской общественной мысли. Акцентируется обусловленность их сотрудничества стремлением заимствовать практический опыт масонства в целях декабризма. Обращается внимание на в целом негативную оценку историка-народника масонского мистицизма и его неприятия масонского консерватизма, проявляющегося в отсутствии требований отмены крепостного права и критики самодержавия как института политической власти. Анализ идеологических построений масонов в работах В.И. Семевского тесно связан с характеристикой их практической деятельности на почве благотворительности. Говорится, что последняя форма деятельности имела скромные результаты. Исследователь указывал на немногочисленность масонских организаций в России в эпоху Александра I, слабость их материальной базы и нерешительность. Несмотря на наличие таинственности и мистических ритуалов, это не могло надолго увлечь будущих декабристов как сторонников более активных действий. Работа заканчивается описанием влияния изысканий В.И. Семевского о декабристах-масонах на последующую историографическую традицию.

Ключевые слова: масоны, декабристы, В.И. Семевский, тайные общества, историография декабризма

На протяжении XVIII – начала XX вв. в России в различных сферах общественной жизни с разной степенью эффективности функционировали элементы структур, которые в контексте современной политологической терминологии символизировали бы зачатки гражданского общества. Одной из экзотерических форм лоббирования интересов определенной части российского общества в XVIII – начале XX вв. являлось масонство.

Гаврилов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия. E-mail: angoshga@mail.ru

Изучение деятельности членов декабристских организаций в рамках масонских лож легло в основу научных разработок крупного отечественного исследователя конца XIX – начала XX вв. В.И. Семевского. Исследование этого аспекта деятельности декабристских организаций, как любой другой проблемы, которой когда-либо занимался выдающийся историк-народник, базируется на глубоком анализе источниковой базы.

В личном фонде В.И. Семевского, хранящемся в архиве РАН, имеются подлинные рукописи начала XIX в. по истории русского масонства: о сущности масонства, об освящении и открытии масонских лож, масонские уставы, описание ритуалов («Катехизис для братьев вольных каменщиков», «Размышление о науке масонской», «Некоторые понятия о науке масонской», «Некоторые понятия об ордене свободных каменщиков», «Взгляд на философов и революцию французскую», «Исповедание каменщика», «Устроение капитула рыцарей Востока и Иерусалима»)¹. Эти документы остались почти неизвестными исследователям и были лишь частично использованы в трудах А.Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I» и В.И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов»².

Энциклопедическое владение материалом опирается не только на использование следственных дел, мемуаров декабристов, вышеуказанных или иных источников, но и на личное знакомство с рядом масонов начала XX в.: В.Я. Богучарским, А.И. Браудо, М.М. Ковалевским, Н.А. Морозовым, Н.П. Павловым-Сильванским, Т.О. Соколовской, Д.И. Шаховским, П.Е. Щеголевым. Сам В.И. Семевский, принадлежа к числу «профанов», приобретал благодаря данным контактам ценнейшую информацию об истории российского масонства, его ритуалах, символике и, что самое важное, получал доступ к закрытым для большинства исследователей документам по истории декабризма. Наиболее продуктивными были контакты с А.И. Браудо и Н.П. Павловым-Сильванским, известными своей лояльностью по отношению к власти и имеющими прямой доступ к делам декабристов. В свою очередь в их глазах В.И. Семевский пользовался полнейшим доверием как историк, выполняющий фактически одну и ту же с ними задачу борьбы с существующим в России политическим режимом, понимая ее как выполнение общественно-го долга перед народом.

Историк сознательно локализовал поле своей исследовательской деятельности изучением эволюции и специфики политических и общественных идей декабристских организаций. Об этой задаче было заявлено во введении к монографии «Политические и общественные идеи декабристов» (1909). Единственным фрагментом, который выбивается из общей концепции исследовательской парадигмы В.И. Семевского, является третья глава «Декабристы-масоны». Этот раздел монографии есть усеченный вариант одноименной статьи историка, опубликованной в журнале «Минувшие годы» в 1908 г. (№ 2; 3; 5–6) и в цикле статей, изданных в журнале «Русское богатство» за 1907 и 1908 гг.³

Разъясняя основания для вступления в ряды сообщества «вольных каменщиков» ученый отмечает, что невозможность «открыто выяснять общественные за-

¹ Архив РАН. Ф. 489. Оп. 1. Д. 646–668.

² Волков 1960, 253.

³ Семевский 1907–1908; 1908; 1909.

дачи и способы борьбы с существующим злом естественно вызывали потребность в негласных собраниях. Одну из таких готовых форм, унаследованных от XVIII в., представляли масонские ложи, и многие из декабристов прошли эту школу»⁴. Согласно В.И. Семевскому, ряд декабристов познакомились с орденом «вольных каменщиков» во время заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., а некоторые из них стали членами заграничных масонских лож. «Республиканские идеи разделялись некоторыми последователями французского масонства шотландского обряда. Подобные радикальные идеи влияли и на нашу военную молодежь и подталкивали ее к вступлению в разные тайные союзы. Начав с масонства, она кончила тайными обществами с чисто революционными задачами»⁵.

В.И. Семевский показывает идеологическое воздействие швейцарского и итальянского карбонаризма на отечественное освободительное движение начала 1820-х гг. Историк аргументировано заявляет о том, что итальянский карбонаризм «не был до такой степени неизвестен в Петербурге, как это представлял в своих показаниях Баратаев»⁶. «Посредничество поляков в сношениях русских с итальянскими карбонариями не представляет ничего невероятного, но пример Джильи показывает, что итальянские карбонарии проникали и в Россию. Есть данные, указывающие на сношения русских со швейцарскими карбонариями»⁷.

Этими сведениями для историка являются письма итальянского эмигранта графа д'Орреро, обнаруженные после смерти Александра I в его кабинете. В них, в частности, упоминается о деятельности бывшего воспитателя императора Александра I Ф.Ц. Лагарпа по формированию контингента агентов влияния в России⁸. В.И. Семевский констатирует наличие устойчивых контактов французского революционера, участника заговора Равных Ф.М. Буонаротти с Н.И. и А.И. Тургеневыми. «Что на русских революционеров Южного тайного общества преимущественно влияли карбонарии французской Швейцарии или Франции, а не Италии, показывает и употребительный в этом обществе термин «вента», заимствованный от французского *vente*, а не от итальянского *vendita*»⁹.

Подобные параллели пытаются проводить современные отечественные исследователи, занимающиеся исследованиями проблем истории российского масонства первой четверти XIX в. Так, например, В.С. Брачев полагает, что «сегодня уже никто не сомневается, что движение декабристов в известной степени было аналогом карбонарского ответвления европейского масонства на отечественной почве»¹⁰. Однако таких категоричных суждений работы В.И. Семевского не содержат.

На основе имеющихся в его распоряжении документов В.И. Семевский установил, что среди декабристов было не менее 50 масонов. Ученый приводит персональный перечень декабристов, в тот или иной период своей деятельности состоявших в ложах «вольных каменщиков»¹¹. Историк подчеркивает неполноту этих

⁴ Семевский 1909, 287.

⁵ Семевский 1909, 331.

⁶ Семевский 1909, 364.

⁷ Семевский 1909, 364–365.

⁸ Семевский 1909, 374–375.

⁹ Семевский 1909, 377.

¹⁰ Брачев 2006, 281.

¹¹ Всех их В.И. Семевский подразделяет на две группы. К первой группе были отнесены декабристы, преданные «верховному уголовному суду»: П.И. Пестель (1812–1817), А.Н. Муравьев

данных и выражает надежду, что «дальнейшие исследования, нужно думать, еще более увеличат численность лиц, в которых проявилась непосредственная связь русских политических тайных обществ с масонскими»¹².

Исследователь справедливо отмечает, что «влияние масонства сказалось особенно сильно при устройстве первого тайного общества в России с серьезными политическими задачами – Союза Спасения»¹³. Прежде всего это проявилось на ритуальном уровне. При приеме новых членов Устав Союза Спасения предполагал ряд обрядов, заимствованных из масонских лож. Не является секретом и нахождение в рядах масонства многих представителей этой декабристской организации. Так, например, членами ложи Трех Добродетелей, основанной в конце 1815 г. и состоявшей в Великой провинциальной ложе, были И.А. Долгорукий, П.П. Лопухин, А.Н. Муравьев, Н.М. Муравьев, М.И. Муравьев-Апостол, С.И. Муравьев-Апостол, П.И. Пестель, С.П. Трубецкой, Ф.П. Шаховской. Кроме того, Ф.Н. Глинка и Н.М. Новиков являлись членами ложи Избранного Михаила, а М.А. Фонвизин состоял в ложе Александра к Тройственному Благословию. Известное влияние масонства, по мнению историка, ощущалось и в другой декабристской организации Союзе Благоденствия¹⁴.

По мнению В.И. Семевского, именно «принадлежность к масонству значительного числа членов тайных обществ, преданных верховному уголовному суду, в том числе и людей наиболее энергичных, показывает, что масонство имело свою долю влияния на возникновение тайного общества, но, с другой стороны, то обстоятельство, что большинство декабристов непродолжительное время оставались масонами, очевидно свидетельствует, что масонство их не удовлетворило»¹⁵.

Существенной причиной недовольства масонством со стороны декабристов, по В.И. Семевскому, становится его политическая инертность, напрасная трата времени на масонские ритуалы, а также невысокий коэффициент полезного действия от его просветительской и особенно благотворительной деятельности.

Стремление использовать масонские ложи как источник вербовки новых членов в состав тайных обществ, а также для пропаганды либеральных и радикальных политических идей, натолкнулось на устойчивое сопротивление со стороны консервативного большинства масонских лож, которое чувствовало себя вполне комфортно и не желало подвергаться каким-либо санкциям со стороны властных

(1811–1818), М.И. Муравьев-Апостол (1816–1820), С.И. Муравьев-Апостол (1817–1818), Н.М. Муравьев (1817–1818), С.П. Трубецкой (1816–1819), Ф.П. Шаховской (1817–1820), М.Ф. Митьков (1816–1821), М.А. Фонвизин (1820), С.Г. Волконский (1812–1822), М.С. Лунин, Н.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер (1819–1822), М.К. Кюхельбекер (1818), Г.С. Батеньков (с 1818), А. Бригген (1817), А. Ентальцев (1816), С. Краснокутский (1816–1818), Н.И. Тургенев (1814–1817), К.Ф. Рылеев (1820–1821), Е. Мусин-Пушкин (с 1820), И.Ю. Поливанов, Н.И. Лорер. Ко второй группе ученых причисляет всех членов тайных обществ при Александре I: П.Я. Чаадаев (1816–1821), И.А. Долгоруков (1814–1818), М.Н. Новиков (1816–1819), Ф.Н. Глинка (с 1816), П.П. Лопухин, П.И. Калошин, Ф.П. Толстой, П.С. Пущин, В. Глинка, И. Бибииков, В.М. Бакунин, М.А. Корф, Мейер, А. Скалон, В.О. Гурко, И.И. Хотяинцов, В.Ф. Раевский, П. Трубецкой, В.Ф. Лукашевич, Г. Олизар, М.П. Баратаев, Зубков, Н. Булгари, С. Проскура, Мошинский, В. Перовский, П.П. Каверин, Гвоздев. Всего 51 человек по подсчетам В.И. Семевского.

¹² Семевский 1909, 342.

¹³ Семевский 1909, 342.

¹⁴ Семевский 1909, 292.

¹⁵ Семевский 1909, 322.

структур. Это большинство предпочитало ограничиваться «пережевыванием в своих речах элементарных истин и проделыванием масонского ритуала, который декабристам, отрицательно относившимся к масонству, представлялся совершенной бессмыслицей»¹⁶.

Ритуальная сторона масонской деятельности представлялась в сознании декабристов либо как шутовская, либо как имевшая вполне антирелигиозную направленность¹⁷. «Но очень многие декабристы, сделавшись масонами, не только относились к масонскому ритуалу с полной серьезностью, но пытались внести масонские обряды в тайные общества, даже такой выдающийся человек, как П.И. Пестель, находился под сильным влиянием масонства при составлении устава Союза Спасения. То же повторилось и в союзе Благоденствия... являясь ненужными пережитками для тех масонов, которые не шли дальше пережевывания элементарных нравственных истин и не особенно выдающейся благотворительности, некоторые приемы, усвоенные масонами, могли казаться весьма нелишними тем, которые, как Пестель и многие декабристы, участвовали одновременно и в тайном обществе с политическими задачами, и в той или в другой масонской ложе»¹⁸.

Участие в масонских ложах нескольких десятков декабристов коренилось в сильном мистическом течении, охватившем часть русского и западноевропейского обществ. «Какое вредное влияние мог оказывать этот мистицизм на людей даже широко образованных и с выдающимися способностями, лучше всего доказывает тот миллион терзаний, которые пережил П.Я. Чаадаев после того, как он окунулся в мистическую литературу. К счастью, большинство декабристов, соприкасавшихся с масонством, не впали в мистицизм, а, присмотревшись ближе к масонству, разочаровались в нем и постепенно покинули масонские ложи»¹⁹. Отрицательное отношение к разного рода мистицизму сформировалось у В.И. Семевского в период его молодости, когда в среде российской интеллигенции господствовал культ естественных наук с его предельным, иногда гипертрофированным рационализмом.

Историк относится пессимистично к специфике понимания российскими масонами знаменитой триады эпохи Великой французской революции: Свобода, равенство, братство. Она осознавалась масонами в далеком от обозначенного в трудах европейских просветителей XVIII в. смысле: «Масоны много говорили в своих речах о равенстве, но они понимают его или в смысле сохранения собственного достоинства перед высшими, или в смысле равенства масонов между собой»²⁰.

В.И. Семевский приводит многочисленные примеры такого поведения дворян-масонов по отношению к крепостным крестьянам, когда их сословные интересы ставятся выше, чем общие гуманистические речи о любви к крепостным. Да и сами крепостные не могли бы, даже если бы очень захотели, стать полноправными членами масонских действий, а использовались во время собраний только для

¹⁶ Семевский 1909, 322.

¹⁷ Семевский 1909, 353.

¹⁸ Семевский 1909, 353–354.

¹⁹ Семевский 1909, 354.

²⁰ Семевский 1909, 333.

услужения «братьям»: «Масоны восхваляли не только равенство, но и братство, однако они называли братьями лишь товарищей по своему ордену»²¹. «Масоны проповедовали, впрочем, гуманность и любовь ко всем людям вообще, а также гуманное отношение к слугам... Однако, проповедуя человеколюбивое отношение к крепостным, масоны вовсе не возвышались до идеи о противоестественности рабства и необходимости его уничтожения; напротив, согласно с их основными взглядами, крепостной мог иметь внутреннюю свободу, свободу от греха, и это их совершенно удовлетворяло»²². Таким образом воплощалось равенство в практической плоскости.

Ученый справедливо отмечает, что «трудно предвидеть, как бы стали относиться масоны позднее к решению вопроса об уничтожении крепостного права... нужно полагать что они, во всяком случае, шли бы в хвосте освободительного движения в крестьянском деле и позднее многих других поддались бы требованиям не улучшения быта крестьян, а совершенного уничтожения крепостного права. Чрезвычайно характерно, что среди масонов можно было найти таких сердобольных людей, как художник Олешкевич (по отношению к крепостным крестьянам – С.Г.), и в то же время масоны не возвышались до требования уничтожения крепостного права, дававшего возможность так много проливать невинной крови. Такой индифферентизм к одному из главнейших зол русской жизни должен был столь же отталкивать от масонства декабристов, как и нежелание его последователей, бороться с другим не менее вредным злом – самодержавием»²³. С первым утверждением знаменитого исследователя истории российского крестьянства трудно не согласиться. Что же касается российского самодержавия, то его объективная оценка, учитывая всю противоречивость и многоплановость данного феномена, всегда будет зависеть от мировоззрения каждого конкретного ученого.

Не только идеологиемы российского масонства, но и их повседневная практическая деятельность интересны В.И. Семевскому как исследователю. «Не останавливаясь на нравственных требованиях, которые масоны предъявляли членам своего ордена в перечнях их обязанностей, а также о которых они исключительно говорили в своих речах, чрезвычайно утомительных своим бессодержательным фразерством, я отмечу, в чем состояла их деятельность, кроме самых собраний лож, которые своим ритуалом возбуждали насмешливое отношение посторонних»²⁴.

К такой деятельности автор относит благотворительность, которая, по его мнению, «в царствование Александра I не имела особенно широких размеров. Но все же в результате деятельности масонских лож являлась некоторая организация благотворительности, помощь бедным оказывалась с большим смыслом, чем при случайных подачках»²⁵. Однако благотворительность масонов по сравнению с деятельностью Н.И. Новикова и уральского горнозаводчика М. Походяшина имела сравнительно скромные результаты.

Незначительные итоги данного рода деятельности масонов были связаны с необоснованной гиперболизацией их благотворительности. Просвещенное рос-

²¹ Семевский 1909, 334.

²² Семевский 1909, 335–337.

²³ Семевский 1909, 339–340.

²⁴ Семевский 1909, 348.

²⁵ Семевский 1909, 352.

сийское общество, главным образом дворянство, тратившее значительные суммы на свои частные нужды, не стремилось щедро субсидировать общественные цели. «В обществе ходили, по-видимому, преувеличенные слухи о сборах производимых масонами как ради благотворительности лицам посторонним, так и с целью взаимопомощи. Отчасти этим объясняется несочувствие некоторых лиц масонству и нежелание присоединяться к этому обществу. Многим не нравилась и таинственность, которую окружало себя масонство»²⁶.

Характеристика, которую дает В.И. Семевский русскому масонству первой четверти XIX в., носит довольно уничижительный характер. «При Екатерине II участие в масонстве сопровождалось, по крайней мере в Москве, широкой общественной деятельностью. Наши же масоны при Александре I, сдавленные полицейскими тисками, были и численно слабы, и бедны материально, и крайне робки, особенно когда люди более смелые и талантливые ушли в тайные общества»²⁷.

Единственным вопросом, на который, на наш взгляд, не смог ответить В.И. Семевский, был о том, почему же многие декабристы длительное время, видя контрпродуктивность своего членства в масонстве, находились в составе «вольных каменщиков». Исследователь не акцентирует внимание на антигосударственной или антихристианской сущности и деятельности отечественного масонства, а выражает свое рационалистическое неприятие масонства с его мистицизмом и скептицизм по поводу его эффективности в сфере нравственного и социального переустройства общества.

Масонство, в его представлении, сыграло «некоторую роль лишь на первых ступенях организации тайных обществ во второй половине 10-х годов XIX века»²⁸.

В современной историографической традиции не существует однозначной оценки роли и численности масонов в тайных декабристских организациях. Так, С.П. Карпачев полагает, что «в целом в русском масонском “братстве” было отрицательное отношение к декабристам»²⁹. Другие же современные исследователи отечественного масонства, и в первую очередь петербургский историк В.С. Брачев, считают, что «для либеральной историографии всегда была характерна недооценка степени влияния масонства на декабристское движение»³⁰, относя к представителям таковой и изыскания В.И. Семевского. Дело здесь, как нам представляется, не в недооценке роли масонства в отечественном освободительном движении, а в политических симпатиях историка-народника, который был на стороне декабристов.

Об этих симпатиях свидетельствует полемика о роли российского масонства в движении декабристов, которая проявилась в рецензии В.И. Семевского на работу графини С.Д. Толь «Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов» (1914)³¹. В отличие от значительной части современных российских исследователей, с позиций объективизма оценивающих деятельность декабристских организаций, расположение В.И. Семевского было на стороне тех из них, кто в

²⁶ Семевский 1909, 352.

²⁷ Семевский 1909, 355.

²⁸ Семевский 1908, № 5–6, 412.

²⁹ Карпачев 2013, 31.

³⁰ Брачев 2006, 280–281.

³¹ Семевский 1914.

наибольшей степени соответствовал ценностным ориентациям самого исследователя. С.Д. Толь ставит, по словам рецензента, три масштабные задачи. Первая из них заключается в стремлении показать декабристские тайные общества исключительно как результат деятельности масонских лож. Вторая – доказать, что «декабристы в лице своих главарей не были высоконравственными и идеальными борцами за идею». И третья – идеализировать образ императора Николая I, «очерняемый в угоду масонским темным силам»³².

Историк восстает против ряда безапелляционных утверждений С.Д. Толь, таких как пассаж о том, что «можно с уверенностью сказать, что декабристский мятеж был делом масонских рук, даже быть может и заграничных, что это было действительно так нам доказывает логика больше, чем история»³³. По утверждению В.И. Семевского, «даже толпу, швырявшую камнями и дровами с крыши Сената, С.Д. Толь относит к вольным каменщикам». С.Д. Толь подозревает масонские козни и в деле петрашевцев, Д. Каракозова, убийстве императора Александра II и многом другом. Эти утверждения основаны не на документах и фактах, а лишь на «убеждении» С.Д. Толь, заявляет историк³⁴. На основании подобных «убеждений» автора «Масонского действия» В.И. Семевский ставит ей свой историко-«врачебный» диагноз: «С.Д. Толь больной человек, страдающий особой болезнью – масонофобией», – и предлагает обратиться за помощью к психиатрам³⁵.

В.И. Семевский проявляет бескомпромиссность при защите от происков С.Д. Толь своего кумира, выдающегося представителя декабризма П.И. Пестеля. «С особым остервенением она набрасывается на П.И. Пестеля, по ее словам, «тайный ставленник всемирного масонства» «жил только для себя» и возмечтал быть «царем на Руси», «он простирает свои окровавленные руки к венцу и бармам Мономаха», но «этим своим честолюбивым желанием пошел наперекор желаниям Ордена и Орден уничтожил его»³⁶. Все эти утверждения историк называет не этичным для рецензии термином «бред» и, используя многочисленные факты, вполне аргументировано опровергает их. Так, подвергая сомнению ее утверждение о мифическом желании П.И. Пестеля стать «царем на Руси», исследователь логично замечает, что по своим убеждениям декабрист был республиканцем, хотя и допускал необходимость введения диктатуры в стране на переходный период. И руки его отнюдь не были окровавлены, хотя бы по той простой причине, что никто из членов императорской фамилии в результате неудавшегося выступления не пострадал³⁷. Не выдерживают серьезной критики под пером исследователя и другие «научные открытия» С.Д. Толь.

Вместе с тем, автор дает восторженную оценку переиздания сборника научных работ А.Н. Пыпина по истории русского масонства XVIII – первой четверти XIX вв. По мнению историка, «в высшей степени симпатично и направление его настоящего труда: это трезвая оценка нашего масонства и деятельности масонов... с указанием как на положительное, так и на отрицательное его значение, тут нет

³² Семевский 1914, 291.

³³ Толь 1914, 37.

³⁴ Семевский 1914, 292.

³⁵ Семевский 1914, 292.

³⁶ Семевский 1914, 293.

³⁷ Семевский 1914, 293.

места ни для защиты мистического обскурантизма, ни для наивных восторгов от нередко бессодержательной фразеологии масонских речей, ни увлечения разработкой одной внешности масонского ритуала»³⁸. Причины столь резкого диссонанса в оценке работ графини С.Д. Толь и академика А.Н. Пыпина со стороны В.И. Семевского вполне объяснимы. Они коренятся в безусловной ориентации ученого в оценке истории общественных движений первой четверти XIX в. на концепцию А.Н. Пыпина. Об этом еще в начале XX в. писал видный русский историк А.А. Корнилов в статье «Василий Иванович Семевский и его исторические труды»³⁹. Второе обстоятельство, наложившее отпечаток на резкую критику работы С.Д. Толь, – это очевидные антимаонархические пристрастия В.И. Семевского и, соответственно, симпатии по отношению к представителям освободительного движения или прогрессивной общественности, к которым он относил и себя.

На современном этапе в развитии отечественной исторической науки предпринимаются продуктивные в научном отношении исследования, связанные с уточнением данных о численности декабристов-масонов или специфике взаимодействия декабризма и масонства. «Роль вольного каменщичества в формировании позиций отдельных дворянских революционеров была различной. Более 120 декабристов являлись членами различных масонских лож как в России, так и за рубежом. Одни из членов тайных обществ лишь до вступления в декабристские организации принимали участие в масонских работах, другие – уже после отказа от деятельности в тайных политических обществах, но наиболее интересным феноменом является осознанное влияние декабристов на масонство», – считает А.И. Серков⁴⁰. Исследователь выделяет в декабристском движении два основных подхода к масонству, «один из которых вырабатывался преимущественно членами Союза Спасения, другой – лицами находившимися под влиянием Ордена русских рыцарей; все иные не представляли собой целенаправленной политики по отношению к масонству»⁴¹.

Деятельность первого направления увязывается А.И. Серковым с ложей Три Добродетели. Декабристы-члены данной ложи стремились использовать четко централизованную систему «шведского» масонства для создания законспирированной тайной организации Союза Спасения. «Масонство привлекало членов Союза Спасения не только возможностью пропаганды своих идей в ложах, но и вероятностью завоевать руководящие посты в масонстве»⁴². Эта попытка не увенчалась успехом из-за противодействия консервативно настроенного руководства Великой провинциальной ложи.

Осмысление двух линий в контексте лоббирования декабристами своих замыслов в масонских ложах следует считать одним из значительных достижений современного московского исследователя. Не вызывает сомнения, что «большая часть членов союза Спасения соотносила новое организационное построение общества с тактической линией на заговор. Основой подобного убеждения являлось членение общества на «руководящих и руководимых», «инициаторов и исполни-

³⁸ Семевский 1916, 198.

³⁹ Корнилов 1916, 298.

⁴⁰ Серков 2000, 144–145.

⁴¹ Серков 2000, 145.

⁴² Серков 2000, 145.

телей». Новые же члены, воспитанные на традициях дружеских собраний, протестовали против «слепого повиновения»⁴³.

Заслуживает внимания и вывод современных исследователей о возможности существования декабристских структур в автономном от масонства режиме, так как «деятельность же военного общества, большинство членов которого были масонами, показала реальную возможность функционирования организации декабристов независимо от масонских форм. Осознание невозможности проникновения в среду верховного руководства масонства в сочетании с недовольством большой группы декабристов строгой централизацией привело к перемещению центра усилий из сфер руководящих в отдельные, причем преимущественно находящиеся на окраинах страны, ложи. Определенную роль в отказе декабристов от первоначального плана создания политического масонства в России, сыграла и недостаточная законспирированность собраний»⁴⁴. Последнее заключение также следует и из изыскания В.И. Семевского, приводящего красноречивые примеры деятельности декабристов в рядах провинциальных масонских лож (Полтава, Киев, Кишинев и др. – *С.Г.*).

Распространение вольнолюбивых идей в масонских ложах, подготовка будущих членов тайных обществ в мастерских вольных каменщиков с конца 1817 – начала 1818 гг., в период создания Союза благоденствия, становится одним из основополагающих моментов в деятельности лиц, связанных с Орденом русских рыцарей, представляющих второе направление политики членов тайных обществ по отношению к масонству. Сущность данной политики можно было свести к сочетанию ориентации на заговор с широкой пропагандистской деятельностью внутри провинциального дворянства⁴⁵. Тактика членов Ордена русских рыцарей, а с 1818 г. Союза благоденствия, заключалась в том, чтобы параллельно с декабристскими управами создавать еще и масонские ложи. В последних шла подготовка будущих декабристов и создание общественного мнения местного дворянства в поддержку реформ, в управе же раскрывались основные планы революционеров. Ложи создавались таким образом, чтобы в первую очередь влиять на позиции местного дворянства в крестьянском вопросе⁴⁶.

Вряд ли можно согласиться с выводом петербургского историка масонства В.С. Брачева о том, «что, не будь в России Александровского времени масонских лож, не было бы, скорее всего, и самого восстания». Нельзя недооценивать влияние масонства на движение декабристов в организационном плане, но и переоценивать его тоже нет необходимости. Не вызывает возражений тезис В.С. Брачева о том, что «именно с будущими декабристами связано возникновение и такого нового для первой четверти XIX в. явления в русском масонстве, как появление в нем, наряду с либеральным и консервативным, еще и так называемого радикального крыла, нацеленного на коренное изменение политического строя и проведение революционно-демократических преобразований в стране»⁴⁷.

⁴³ Серков 2000, 155.

⁴⁴ Серков 2000, 160.

⁴⁵ Серков 1991, 15.

⁴⁶ Серков 2000, 180.

⁴⁷ Брачев 2006, 289.

Современная историографическая традиция, в отличие от В.И. Семевского, уделяет основное внимание не эволюции идеологических конструктов декабристов, а специфике и эффективности функционирования различных организационных структур в рамках декабристских сообществ, но вклад историка-народника не может быть минимизирован. На наш взгляд, современные исследования не опровергают и выводов историка о причинах вступления будущих декабристов в отечественные масонские ложи вскоре после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Их ориентация на достижения западноевропейской культуры и политической практики является в настоящее время общеизвестным фактом. Не вызывают сомнений и установленные историком-народником примеры вступления декабристов в германские, французские и иные иностранные масонские ложи. Экстраполяция эмпирической и мировоззренческой составляющих в деятельности западноевропейских сообществ вольных каменщиков, в которых достаточно сильным было радикальное крыло, на российские масонские ложи, построенные по их образу и подобию, в принципе также прогнозируемо. Что же касается декабристов, то большая часть из них были люди достаточно молодые, а молодости в большей степени присущ максимализм или радикализм в мировоззренческом контексте.

Заслуги В.И. Семевского в деле изучения истории русского масонства первой четверти XIX в. и его связей с освободительным движением в России несомненны. Они заключаются во введении в научный оборот широкого комплекса исторических источников, в постановке самой проблемы, в попытке выявления персонального состава декабристов-масонов, степени участия в деятельности масонских лож А.С. Пушкина, П.Я. Чаадаева и других выдающихся представителей русской культуры первой четверти XIX в.

Полное подчинение власти неправительственных общественных организаций с вполне безобидными для государства идеями нравственного совершенствования может привести к поиску новых способов изменения существующего социально-экономического и политического строя. Такой попыткой стал заговор декабристов, имевший своей целью кардинальное изменение существующих порядков в России. В первую очередь это касалось нравственно порочного в глазах декабристов и тормозящего социально-экономическое развитие страны крепостного права. Другой концептуальной проблемой для участников заговора, многие из которых, как показывают исследования В.И. Семевского, являлись выходцами из масонских лож, была необходимость реформирования абсолютистского государства, расширения прав и свобод подданных. В настоящее время необходимо учитывать опыт взаимоотношений масонства и государства в контексте выработки отношений конструктивного сотрудничества между неправительственными общественными организациями и властью.

ЛИТЕРАТУРА

- Брачев, В.С. 2006: *Масоны у власти*. М.
Волков, С.И. 1960: Фонд В.И. Семевского (Из фондов Архива Академии наук СССР). *Археологический ежегодник за 1958 г.*, 251–256.

- Карпачев, С.П. 2013: Декабристы против масонов. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»* 1 (11), 26–32.
- Корнилов, А.А. 1916: Василий Иванович Семевский и его исторические труды. *Вестник Европы* 11, 282–301.
- Семевский, В.И. 1907–1908: Очерки по истории политических и общественных идей декабристов. *Русское богатство* 5, 107–152; 7, 138–169; 10, 43–84; 11, 39–80; 12, 98–141; 1908. 4, 55–98; 7, 65–100; 11, 82–111.
- Семевский, В.И. 1909: *Политические и общественные идеи декабристов*. СПб.
- Семевский, В.И. 1916: Пыпин А.Н. Русское масонство XVIII – первой четверти XIX в. *Голос минувшего* 10, 198.
- Семевский, В.И. 1908: Декабристы-масоны. *Минувшие годы* 2, 1–50; 3, 127–170; 5–6, 379–433.
- Семевский, В.И. 1914: Графиня Толь С.Д. рожденная Толстая. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. *Голос минувшего* 7, 291–294.
- Серков, А.И. 1991: *Российское масонство. 1800–1861: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук*. М.
- Серков, А.И. 2000: *История русского масонства XIX века*. СПб.
- Толь, С.Д. 1914: *Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов*. СПб.

REFERENCES

- Brachev, V.S. 2006: *Masonry u vlasti*. Moscow.
- Volkov, S.I. 1960: Fond V.I. Semevskogo (Iz fondov Arkhiva Akademii nauk SSSR). *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1958 g.*, 251–256.
- Карпачев, С.П. 2013: Dekabristy protiv masonov. *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»* 1 (11), 26–32.
- Kornilov, A.A. 1916: Vasilij Ivanovich Semevsky i ego istoricheskie trudy. *Vestnik Evropy* 11, 282–301.
- Semevsky, V.I. 1907–1908: Ocherki po istorii politicheskikh i obshchestvennykh idey dekabristov. *Russkoe bogatstvo* 5, 107–152; 7, 138–169; 10, 43–84; 11, 39–80; 12, 98–141; 1908. 4, 55–98; 7, 65–100; 11, 82–111.
- Semevsky, V.I. 1909: *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov*. Saint-Petersburg.
- Semevsky, V.I. 1916: Pypin A.N. Russkoe masonstvo XVIII – pervoy chetverti XIX v. *Golos minuvshogo* 10, 198.
- Semevsky, V.I. 1908: Dekabristy-masony. *Minuvshie gody* 2, 1–50; 3, 127–170; 5–6, 379–433.
- Semevsky, V.I. 1914: Grafinya Tol' S.D. rozhdennaya Tolstaya. Masonskoe deystvo. Istoricheskiy ocherk o zagovore dekabristov. *Golos minuvshogo* 7, 291–294.
- Serkov, A.I. 1991: *Rossiyskoe masonstvo. 1800–1861: avtoref. diss. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk*. M.
- Serkov, A.I. 2000: *Istoriya russkogo masonstva XIX veka*. Saint-Petersburg.
- Tol', S.D. 1914: *Masonskoe deystvo. Istoricheskiy ocherk o zagovore dekabristov*. Saint-Petersburg.

THE PROBLEM OF INTERACTION OF DECEMBRIST AND MASONIC
ORGANIZATIONS IN V.I. SEMEVSKY'S RESEARCH WORK

Sergey V. Gavrilov

Russian Academy of Justice, Russia,
angoshga@mail.ru

Abstract. The paper aims at studying the interaction of Decembrist organizations and Masonic lodges in the early 1820s in V.I. Semevsky's research work. The author explores a vast source base used by the scholar while tackling the problem and analyzes the development of the Decembrists' socio-political ideas. The article describes Masonic lodges as a tool for recruiting new members and advocacy of liberal ideas and discusses the total number of the Decembrists in Masonic lodges. V.I. Semevsky regarded the interrelations of Freemasons and members of Decembrist organizations to be effective only in the early stages of their existence. The paper emphasizes the Decembrists and Masons' close relationship influenced by the West European social thought and accentuates the conditioning of their cooperation by the desire to borrow practical experience of Freemasonry for the purposes of the Decembrist movement. Special attention is paid to the generally negative assessment by the historian-narodnik of Masonic mysticism and his rejection of Masonic conservatism which manifested itself in the absence of demands for the abolition of serfdom and criticism of absolutism as an institution of political power. The analysis of ideological constructs of Masons in the works of V.I. Semevsky is linked to the characteristics of their practical activity on the basis of charity. The latter form of activity didn't have great results. The researcher indicated the fewness of Masonic organizations in Russia in the era of Alexander I, the poorness of their facilities and resources and indecision. Despite the presence of mystery and mystic rituals Freemasonry could not for a long time inspire future Decembrists as the supporters of more dynamic actions. The article comes to an end with a depiction of the influence of V.I. Semevsky's research work on the Decembrists – members of Masonic lodges on the subsequent historiographical tradition.

Key words: freemasons, the Decembrists, V.I. Semevsky, secret societies, historiography of the Decembrist movement

---
